

Двойничество и проблема Другого в религиозном экзистенциализме Ф.М. Достоевского

Научный руководитель – Кантор Владимир Карлович

Рябчинский Николай Викторович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: rnv98@yandex.ru

Впервые проблема двойничества как проблема Другого была представлена Ф.М. Достоевским еще ранней повести 1846 г. «Двойник». Главный герой этого произведения, Яков Петрович Голядкин, - чиновник, служащий в одной из бесчисленных петербургских канцелярий. Он - чистое порождение бюрократического аппарата России периода правления Николая I, превращающего всякую личность в шестеренку бездушной машины. Он чувствует всю гибельность своего положения и хочет отстоять свою личность в этом царстве обезличенности, однако пытаясь спасти свою индивидуальность от бесчисленных воображаемых врагов, Голядкин всячески ограждает себя от жизни, и, тем самым, порождает своего двойника - Голядкина-младшего, который в конечном итоге его буквально подменяет.

В «Записках из подполья» мотив раздвоения развивается и усиливается. Голядкин - предваряет «подпольного человека», но он проецирует свое «подполье» вовне, на своего двойника: «нрава он такого игривого, скверного, - подлец он такой, вертлявый такой, лизун, лизоблюд, Голядкин он этакой!» [1, с. 224] «Подпольный» парадоксалист, в свою очередь, обнаруживает это раздвоение глубоко в себе. «Я поминутно сознавал в себе много-премного самых противоположных тому элементов. Я чувствовал, что они так и кишат во мне» [2, с. 453], - признается он. Его душевная дисгармония отражается, прежде всего, в его речи. Хотя его речь имеет форму монолога, внутри себя она крайне диалогична: в ней каждая фраза выстроена с оглядкой на *другого* - что он скажет, как он подумает? Постепенно исповедь перетекает в полемику, «подпольный» герой, как и Голядкин, измышляет врагов, *других*, чтобы утвердиться самому. «Подпольный» парадоксалист, в отличие от Голядкина, уже может бросить вызов миру, но еще не готов отстаивать свои слова. Не выдержав столкновения с действительностью, он уходит обратно в «подполье».

Проблема двойничества логически продолжается Достоевским и в «Преступлении и наказании» в связи с фигурой Раскольникова. Будучи героем в психологическом отношении весьма противоречивым, Раскольников предстает как персонаж в высшей степени «раздвоенный», как это особенно видно из характеристики, которую дает ему Разумихин: «точно в нем *два противоположных характера поочередно сменяются* (курсив мой. - Н.Р.)» [3, с. 202]. Двойственное положение Раскольникова отображается и в композиции романа: будучи центральным персонажем, он - загадка, которую разгадывает Порфирий Петрович; но в то же время сам Раскольников пытается разгадать Свидригайлова. Сам Свидригайлов является двойником, Другим для Раскольникова, как это видно из ощущения некоей духовной близости обоих. Есть в романе и другие герои, служащие зеркалом Раскольникова. Один из них - Лужин. В отличие от Свидригайлова, Лужин не связан с Раскольниковым *духовно*, но их связь носит чисто *логический* характер. Отдельно в этом отношении стоит сказать о значении Мармеладова, который в романе играет двойственную роль по отношению к Раскольникову. Прежде всего, через его наблюдения у читателя складывается более глубокое представление об образе Раскольникова. Во-вторых, он

предваряет Раскольников в том, что он намерен совершить. Таким образом, Мармеладов выступает третьим «героем-зеркалом» Раскольникова, наряду с Лужиным и Свидригайловым, и выполняет важную роль в построении образа главного героя романа.

Похожим образом проблема двойничества была развита и представлена Достоевским в последнем своем романе - «Братьях Карамазовых». Здесь главная *раздвоенная* фигура - Иван Федорович, средний сын Федора Павловича Карамазова. Как известно, Иван терзается в тщетных попытках разрешить «высшие» вопросы - бытие Бога, бессмертие души и т.п. Признавая в себе возможность уверовать в Бога, он не находит в себе возможности Бога принять и провозглашает свой «подпольный» бунт, так характерно выраженный им в «Легенде о Великом Инквизиторе». Но и в бунте своем он не готов идти до конца, так что про Ивана можно сказать то же, что Кириллов говорит о Ставрогине: «если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует» [4, с. 574]. Терзания Ивана приводят к тому, что он оказывается моральным убийцей отца. «Вы убили, вы главный убийца и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил» [5, с. 126], - говорит ему Смердяков. Смердяков в данном случае оказался двойником-*практиком*, но кто же, собственно, теоретик? Иван отрицает свою причастность к страшному преступлению и отторгает ту часть себя, которая в итоге воплотилась в образе черта-приживальщика. Будучи воплощением худшей стороны Ивана - его «мыслей и чувств, только самых глупых и гадких» [там же, с. 142], по его собственному замечанию, именно черт оказывается в роли двойника-*теоретика*.

Из приведенных выше наблюдений, таким образом, становится видно, что двойничество и явление Другого является магистральным мотивом в творчестве Достоевского, от ранних до самых поздних работ. Регулярное обращение Достоевского к этому мотиву свидетельствует о важности проблемы двойничества и раздвоенности героев для понимания экзистенциальной мысли писателя. Об экзистенциальном аспекте этой мысли особенно свидетельствует тот факт, что всех указанных героев объединяет общая идея самоутверждения, которая приводит к столкновению с действительностью и, как следствие, столкновению с Другим, раздвоению. Причем, в основании идеи самоутверждения лежит другая, во многом определяющая идея богоборчества, поскольку указанные герои Достоевского изначально исходят из того, что словом или делом отрицают Бога. Именно это приводит к тому, что, как отмечает Р. Жирар, «человек, восстающий против Бога, чтобы поклоняться самому себе, в итоге всегда приходит к тому, что поклоняется *Другому*» [6, с. 91]. Речь, таким образом, идет о религиозном аспекте экзистенциальной мысли Достоевского.

Источники и литература

- 1) Достоевский Ф.М. Двойник // Достоевский Ф.М. Соч.: в 15 т. Т. 1. Л.: Наука, 1988. С. 147 – 294.
- 2) Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Соч.: в 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1989. С. 452–550.
- 3) Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Соч.: в 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1989. – 576 с.
- 4) Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Соч.: в 15 т. Т. 7. Л.: Наука, 1990. – 848 с.

- 5) Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Соч.: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991. – 704 с.
- 6) Жирар Р. Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 256 с.